

УДАЧНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ НЕУДАЧНОГО СВАТОВСТВА: Н. И. ТУРГЕНЕВ В АНГЛИИ (1829–1830)

В. А. Мильчина

(Москва)

Николай Иванович Тургенев (1789–1871), экономист и политический мыслитель, был в 1810 – начале 1820-х гг. не только чиновником высокого ранга, но и членом тайных обществ – Союза благоденствия (в 1818–1822 гг.) и Северного общества (1822–1823). В конце марта 1824 г. он взял отпуск и выехал на лечение за границу. Во время восстания 14 декабря 1825 г. он находился в Париже; в январе 1826 г., будучи в Эдинбурге (см.: Тургенев 2001: 87), он узнал, что привлечен к следствию по делу о восстании. Вице-канцлер Нессельроде от имени императора потребовал от Тургенева явиться на суд «в качестве обвиняемого в участии в восстании» (Там же). Тургенев явиться отказался, сначала устно, а потом, по требованию поверенного в делах России в Англии И. А. Потемкина, письменно. Поверенному между тем предписывалось, в случае отказа, известить английский кабинет о том, «каким людям предоставляет он убежище!». И в самом деле, впоследствии Тургенев узнал, что его выдачи в мае 1826 г. просили у государственного секретаря Великобритании по иностранным делам Джорджа Каннинга, но тот в ответ на ноту, требовавшую выдачи Тургенева, лишь подтвердил получение этой бумаги, никак не ответив на ее содержание (см.: Тургенев 2001: 88, 678); до этого российский посол в Англии Х. А. Ливен конфиденциально просил Каннинга о выдаче Тургенева, сначала устно, а потом письменно, но всякий раз получал письменный отказ.

В России Тургенев был заочно приговорен к смертной казни, которая была императором подтверждена в пожизненные каторжные работы; поэтому он остался в Англии и всячески убеждал своего брата Александра Ивановича и самого себя, что с Россией у него отныне нет ничего общего и возвращаться туда он не хочет и не

намерен. 20 июля 1826 г. он пишет из Лондона брату Сергею, предвидя, что тому иметь брата, осужденного в России, «будет, конечно, неприятно»: «В жизни есть много других гораздо важнейших причин печалиться. И между сими причинами одна покрывает все прочие: несчастное положение крепостных людей в России!» (Тургенев 1901: 239). 14 мая 1826 г. из Эдинбурга уверяет брата Александра: «...для меня все кончилось, и я должен расстаться с Россиею. Объявленный однажды преступником, что я могу делать в России во всех возможных обстоятельствах? Ничего и никогда» (Тургенев 1901: 244–245). 21 августа 1826 г. обращается к нему же из Лондона: «Я расстался с Россиею и, судя по предубеждению против меня, не могу туда возвратиться ни в каком случае. Где нравственная обязанность возвратиться туда, где меня почитают злодеем?» (Тургенев 1901: 251). 31 августа 1826 г. продолжает из Чельтенгама: «На всякое оправдание мне будут говорить: чего он хочет? Он не явился к суду и тем добровольно лишил себя и средств оправдания, и всякого права на милость. Итак: *qu'on n'en parle plus!*¹. На это мне отвечать нечего. Я не явился. Болезнь, в столь теперь важном деле, не может быть достаточною причиною неявки. И как мне кажется, что в сем отношении *conditio sine qua non*² всякого оправдания есть: предложение с моей стороны явиться немедленно на каторгу» (Тургенев 1901: 253). 9 ноября 1826 г. Николай пишет Александру из Лондона: «Я едва ли даже желаю милости. Справедливости не ожидаю. Условий никаких не приму» (Тургенев 1901: 259; здесь и далее слова, выделенные автором, подчеркнуты), а 22 января 1827 г. продолжает оттуда же: «Я бы и при возможности возвратиться в Россию не поехал бы туда. А предлагать явиться или делать то, вследствие чего могут требовать моего возвращения, я и не могу и не хочу. Мне и здесь хорошо» (Тургенев 1901: 262–263).

Николай Тургенев и в объяснительных записках, касающихся его причастности к тайным обществам, и в письмах к брату Александру постоянно настаивал на том, что свое участие в

¹ Больше об этом ни слова (*фр.*)

² Непременное условие (*лат.*).

обществе ограничивал разговорами, а в момент «возмущения» вообще уже более года как жил вне России; больше того, он подчеркивал, что вообще вся деятельность общества сводилась исключительно к разговорам и потому он мало ею интересовался, поскольку его главной и единственной целью оставалось уничтожение крепостного рабства. В письме к Александру из Лондона от 7 июля 1826 г. он сформулировал это так:

Дело освобождения крестьян было для меня всегда священнейшим. Оно было единственной целью моей жизни. И даже до такой степени, что не будучи, конечно, врагом конституций, я никогда не думал, что сии последние могут быть нашею потребностью прежде важного, святого и неизбежного рано или поздно освобождения крестьян. Я помню, что некоторые весьма добрые и почтенные люди, почитая меня большим либералом, удивлялись, что либеральность моя ограничивалась пожеланием свободы гражданской <а не политической. – В. М.> (Тургенев 1901: 247).

Виновным Тургенев себя ощущал только в неявке на суд. Однако в 1826-1827 гг. он постоянно убеждает самого себя и брата Александра Ивановича, что являться ему ни в коем случае не следует: «...могут отвечать: явись. А я, если б и хотел, не должен являться. Это противно нравственному достоинству человека. Покоряться добровольно несправедливости по крайней мере так же противно нравственности, как и быть самому несправедливым» (22 января 1827 г.; Тургенев 1901: 265); «Самое вероятное из ваших предположений есть: “явись”. Этот ответ необходимо предупредить, ибо я не могу и точно не должен являться ни в каком случае» (26 марта 1827 г.; Тургенев 1901: 273).

Тем не менее Жуковский и Александр Тургенев продолжали делать попытки добиться для Николая хотя бы права безопасно проживать на континенте. Они активизировали свои усилия весной-летом 1829 г.; реакция императора поначалу казалась благоприятной, затем через Бенкендорфа Александру Ивановичу был передан решительный отказ, а затем внезапно ситуация по видимости вновь изменилась к лучшему. 30 января 1830 г. Жуковский триумфально

сообщил Александру Тургеневу, что государыня «именем государя» передала ему, что, если его брат «*se trouve innocent, qu'il vienne lui-même se livrer à la générosité de l'Empereur; il saura lui rendre justice*»³ (Дубровин 1902: 71). Александр Иванович получил письмо только 29 марта 1830 г. (см.: Дубровин 1902: 83) и тотчас сообщил его текст брату, который 6 апреля отвечал, что в таком случае он обязан явиться, ибо в противном случае считал бы себя обесчещенным (см.: Дубровин 1902: 83). Однако довольно скоро выяснилось, что Жуковский неверно понял слова императора и что речь идет не о вызове на суд и возможности оправдания, а только об «изменении участи без уничтожения осудившего его приговора» (Дубровин 1902: 94); в позднейшем пересказе П. А. Вяземского Николай I отвечал Жуковскому: «Если спрашиваешь меня как императора, скажу: нужно. Если спрашиваешь меня как частного человека, то скажу: лучше ему не возвращаться» (Вяземский 1882: 413). Итак, хотя братья готовились к поездке Николая Ивановича в Россию и даже заказали французскому юристу О.-Ш. Ренуару записку с анализом пунктов обвинения и их опровержением (она была окончена в мае 1830 г.), в конечном счете поездка не состоялась, и Николай Тургенев остался в Англии. Тем временем в июле 1830 г. во Франции произошла революция, и если прежнее правительство эпохи Реставрации непременно выдало бы «государственного преступника» России, то правительство Луи-Филиппа, как довольно скоро выяснилось, относилось к изгнанникам, в том числе и из России, гораздо более благосклонно, и в сентябре 1831 г. Николай Тургенев перебрался во Францию (см.: ПД. Ф. 309. № 231. Л. 38; далее все ссылки на этот фонд даются с указанием только единицы хранения и листа), а российский император этому не препятствовал.

Такова в максимально кратком изложении внешняя канва этого периода биографии Н. И. Тургенева⁴. Разумеется, стремление

³ Чувствует себя невиновным, пусть явится сам и вверит себя великодушью Императора; тот сумеет отдать ему справедливость (*фр.*).

⁴ Более подробно об обстоятельствах суда над Н. И. Тургеневыми и его объяснительных записках, посвященных его (не)участию в работе тайных обществ, см. в примечаниях А. Р. Курилкина к: Тургенев 2001.

Тургенева вернуться в Россию на суд объяснялось прежде всего желанием избавиться от тяготившего его клейма государственного преступника, которое позорило его и представляло для него огромную психологическую проблему. Сам он был уверен, что ни в чем не замешан, но другие этой уверенности разделить не могли. Я имею в виду даже не декабристов, которые продолжали считать Тургенева членом тайных обществ и потому впоследствии были недовольны картиной, нарисованной им в книге 1847 г. (см.: Тургенев 2001: 647–648), но современников-европейцев. Уже переехав во Францию, Николай, в отличие от своего брата Александра, знакомого едва ли не со всеми сколько-нибудь заметными литераторами, философами и политическими деятелями Европы, не общался почти ни с кем. Конечно, этому способствовал его замкнутый характер, о котором дает представление, например, отрывок из письма брату из Парижа от 2 февраля 1832 г.: «Газеты говорят, что весь Париж об этом⁵ толковал сегодня. – Я этого не заметил, ибо ни с кем не толковал. Говорят, что заговорщики хотели ворваться во дворец во время бала» (Архив 1921: 406). Под пером Александра Ивановича такие слова представить совершенно невозможно; он бы «потолковал» непременно, и не с одним собеседником. Но уединенный образ жизни Николая Ивановича имел и другую причину: изгнанник боялся, что люди провластной направленности сами не захотят иметь с ним дело, а оппозиционные республиканцы, напротив, захотят его причислить к своим сторонникам, хотя этого вовсе не хочет он сам. 13 февраля 1832 г. он писал брату из Парижа:

Я предпочитаю Париж Лондону только потому, что здесь здоровье мое лучше, нежели там. Мои привычки, вкусы скорее заставили бы меня жить в Англии, нежели во Франции. Заманки Парижские, для молодых людей сильные, для меня не существуют. Знакомств, связей я никаких здесь не имею. К тому же мое политическое положение здесь для меня затруднительнее, нежели в Лондоне.

⁵ О раскрытии заговора карлистов.

Там, ежели бы я хотел делать знакомства, я мог бы. Здесь – с кем? Здесь две партии: с одною для меня было бы невозможно, en ma qualité de réfugié⁶, быть знакому, ибо сия партия réfugiés не знает; с другою, которая знается с réfugiés, я знакомиться не хочу. Обществ, как в Англии, где политика ни во что не входит, здесь нет. И куда бы я ни явился – я попал бы в список разных родов Réfugiés: Итальянцев, Поляков, Гишпанцев, кои забавляют от времени до времени разного рода декламациями и публикациями в газетах на счет Правительств и даже иногда содействием в смешных свалках (émeutes) на улицах. Думая об этом серьезно, я даже вижу для себя совершенную необходимость не только не ездить здесь в общество, но даже не делать индивидуальных знакомств. Vous êtes Réfugié? – Oui. – Donc vous êtes des nôtres? – Non. – De quoi êtes-vous donc? – Je n'en sais rien!⁷ Вот вопросы и ответы, кои необходимо были бы, при всяком знакомстве, сделаны и даны мною (Архив 1921: 411).

Итак, клеймо государственного преступника тяготило Николая Тургенева, но поначалу он не намеревался хлопотать о явке на «пересуд». Однако весной 1830 г. он изменил свою точку зрения. Причиной этого, как уже было сказано и как явствует из давно опубликованных писем, было в первую очередь попечение о собственной чести. В мемуарной части своей книги «Россия и русские» (1847) Тургенев называет еще несколько мотивов, побудивших его принять решение о возвращении в Россию: помимо стремления доказать свою невиновность, желание облегчить участь «других лиц, которых этот приговор ставил в тяжелое положение» (имеется в виду брат Александр), даже надежда, что отмена его приговора, «быть может, благотельно отразится и на других осужденных» (Тургенев 2001: 168–169). Однако еще одного мотива, о котором можно узнать из неопубликованной части переписки братьев и их старинного друга князя Петра Борисовича Козловского,

⁶ В качестве изгнанника (*фр.*).

⁷ Вы изгнанник? – Да. – Значит, вы из наших? – Нет. – Из каких же вы? – Понятия не имею (*фр.*).

Николай Иванович не называет. Этот мотив – попытка жениться на англичанке.

Братьев Николая и Александра Тургеневых связывали отношения тем более близкие, что в 1827 г. они лишились младшего брата Сергея, подававшего большие надежды дипломата, который был так потрясен приговором брату Николаю, что потерял рассудок и скончался в возрасте 35 лет. Николай в письмах постоянно пытался уверить Александра, что был бы совершенно спокоен за себя, если бы не мысль, что он расстроил карьеру Александра. Александр, со своей стороны, переживал за Николая и, поскольку сам не мог находиться при нем постоянно, мечтал женить брата, чтобы тот не тосковал в одиночестве; мотивировку эту он сформулировал позже, в сентябре 1833 г. в письме к Вяземскому: «По всей вероятности, через месяц или более я буду свободен, и главное дело в жизни брата решится. Он не будет один, и мое присутствие будет ему только приятно, но он и без меня будет находить, с кем разделять жизнь» (Архив 1921: 332–333). Николай Иванович и сам охотно бы женился, однако найти ему невесту было непросто. Мешали административные сложности; в том же сентябре 1833 г. по поводу женитьбы в Швейцарии Александр Иванович писал П. А. Вяземскому: «Затруднения – и большие – только в возможности, по его положению, совершить гражданские акты, ибо законы на сей случай очень строги, а подкупить здесь ни попов, ни гражданских чиновников нельзя» (Архив 1921: 333). Имелось и другое препятствие: Николай Тургенев предъявлял к потенциальной невесте строгие требования. «Для меня красота в женщине есть необходимость», – писал он брату 29 марта 1833 г. (№ 231. Л. 201 об.).

Традиционно считается, что в жизни Николая Ивановича была только одна женщина – Клара Виарис, на которой он женился 13 октября 1833 г. в Женеве. Мнение это укоренено настолько глубоко, что в указателе шестого выпуска «Архива братьев Тургеневых», где помещены отрывки писем Николая Ивановича к брату 1832 г., имеется своеобразный «кентавр»: «Visconti, рожд. de Viaris» (Архив 1921: 512). Составитель указателя Н. К. Кульман исходил из того, что в тексте письма г-жа Висконти названа «сестрой невесты». Между тем

это письмо датировано 1 февраля 1832 г., а тогда Клара Виарис еще не была невестой Тургенева⁸. Николай Иванович пишет здесь о другой, английской невесте, имя которой в работах о нем практически нигде не упоминается. Исключение составляет мой собственный доклад на Седьмых Эйдельмановских чтениях 1997 г., кратко изложенный в моем отчете о конференции, опубликованном в журнале «Знание – сила» (1997. № 11)⁹. Мне известны две лаконичные ссылки на него в научной литературе: в статье С. В. Житомирской, где коротко упомянут «матримониальный подтекст» инициативы Н. И. Тургенева по возвращению на «пересуд» (Тургенев 2021: 680), и в статье Андреаса Шёнле, где мой доклад пересказан чуть более подробно, с упоминанием имени «английской невесты» (Шёнле 2021: 63). Но больше нигде об этом эпизоде не говорится (см.: Ларионова 2019: 331–334). И поскольку мой давний доклад так и остался неопубликованным, в этой статье я постараюсь с опорой на архивные документы изложить все, что известно о первой попытке Николая Тургенева жениться.

История эта началась в 1829 г., когда Николай Иванович жил в Англии, в городе Чельтенгам (в современной транскрипции Челтнем, курортный город в графстве Глостершир), и его давний знакомец князь Петр Борисович Козловский (1783–1840), также в этот момент живший в Чельтенгаме (в переписке братьев Тургеневых он регулярно именуется «чельтенгамским приятелем»), нашел ему невесту: дочь помещика Питера Харвея Лоуэлла (Ловеля в транскрипции XIX в.) Гарриет (Генриетту) Лоуэлл, жившую в поместье Коул-Парк (Cole-Park) в соседнем с Глостерширом графстве Уилтшир. Козловский был знаком с этой семьей, потому что сам был влюблен в сестру Гарриет – Френсис-Сару, урожд. Лоуэлл (1804–1883), с 1825 г. жену итальянца графа Эмилио Гвидобони-Висконти (ту самую упомяну-

⁸ Такую же ошибку делает И. А. Бычков в примечании к письму от 24 июня/3 июля 1830 г., в котором Жуковский выражает надежду на то, что «за оградой семейственного мирного счастья все бы прошлые беды остались ему <Николаю Тургеневу> чуждыми» (Жуковский 1895: 254–255). Бычков полагает, что имеется в виду женитьба Тургенева в 1833 г. на Кларе Виарис, меж тем совершенно очевидно, что речь пока что идет вовсе не о ней.

⁹ Повторен два десятка лет спустя в моей книге: Мильчина 2019: 60–61.

тую выше «сестру невесты»). Г-жа Висконти мало знакома российским исследователям, но зато хорошо известна французским бальзаковедам, поскольку была для Бальзака, который познакомился с ней в феврале 1835 г. в Париже, возлюбленной, другом, кредитором; «Саре» Бальзак посвятил роман «Беатриса» (1839)¹⁰. Собственно говоря, о характере отношений Бальзака с той, которую он именовал на итальянский манер Contessa (графиня), судить довольно сложно, поскольку из их переписки сохранилось лишь одно письмо графини, посвященное финансовым делам ее мужа, и две короткие записки Бальзака (Balzac 1964: 242–246; Balzac 1969: 335, 889), остальная же их переписка неизвестна; в 1875 г. на прямой вопрос издателя Мишеля Леви графиня сухо ответила, что письмами великого писателя не располагает. Что же касается князя Козловского, то он интересует бальзаковедов лишь как отец Софьи Козловской (Софки), которая подолгу жила в доме г-жи Висконти в Версале, познакомилась там с Бальзаком и оставила его весьма выразительный словесный портрет в письме к отцу (Бальзак 1986: 230–231); между тем, судя по неизданной переписке братьев Тургеневых и письмам самого Козловского, князь задолго до Бальзака подпал под обаяние госпожи Висконти и испытывал к ней очень сильное чувство. Александр Тургенев докладывал брату 12 июня 1830 г. из Парижа: «Вчера же получил я письмо от Лабенского¹¹ из Лондона: он пишет о Козловском, что тот возвращается в Чельтенгам, où il est enchaîné aux pieds d'une fière beauté qui décide de l'emploi de ses jours et du lieu de sa résidence»¹² (№ 314. Л. 89)¹³.

Эта гордая чельтенгамская красавица – не кто иная, как г-жа Висконти. И именно с ее сестрой Гарриет Козловский познакомил Николая Тургенева в надежде на грядущую женитьбу. Трудности

¹⁰ Подробнее о ней см.: Balzac 1964: 823–824; Lagny 1978; Pierrot 1994: 249–253.

¹¹ Ксаверий Ксавериевич Лабенский (1800–1855) – дипломат в русской службе и французский поэт под псевдонимом Jean Polonius.

¹² Где он прикован к ногам гордой красавицы, которая распоряжается его времяпрепровождением и местоположением (*фр.*).

¹³ За помощь в сверке писем из этого дела сердечно благодарю Т. А. Китанину. Фонд 309 сейчас находится в обработке, и дела получают новые номера; № 314 превратился в № 205, но поскольку ссылки на остальные дела из этого фонда в моей статье даются по старой нумерации, то и за этим делом я оставляю номер 314.

на этом пути ждали Тургенева и его «свата» не только со стороны невесты, но и со стороны жениха, характер которого не слишком располагал к завоеванию женских сердец. В июне 1830 г., когда стало окончательно ясно, что дело с английской невестой не выгорело, Козловский тем не менее удовлетворенно писал Александру Тургеневу:

И в этом деле, хотя оно нам и не удалось, не совсем мы время потеряли. Брат ваш убедился, что деликатный и возвышенный характер может в самых невыгодных обстоятельствах действовать на сердце женщины, и женщины молодой и прекрасной. Сие убеждение не токмо лестно для самолюбия, но должно со временем дать ему некоторое самоуверение, в котором у него всегда был большой недостаток. Поведение его в течение всего дела было чисто и благородно: он ничего не скрывал и совсем не дурачился, что женихи в сорок лет обыкновенно делают. Итак, и тут право не худо и со временем будет иметь свою полезную сторону (№ 232. Л. 135–135 об.).

Правда, Николай Иванович даже после знакомства с Гарриет Лоуэлл смотрел на перспективу собственной женитьбы скорее пессимистически. 30 января 1830 г. он писал брату:

Вы пишете, что осудили себя на безбрачие. Если безбрачное положение согласно вашим желаниям, чему я, с моими мнениями на сей счет, трудно могу верить, то беды в этом нет. Я хоть и не люблю безбрачие, но, хладнокровно рассуждая, не вижу, чтобы представилась мне возможность переменить это состояние. А старость у нас уже на носу. Еще лет 20, и все на сей земле будет для нас кончено – а это самый отдаленный срок по вероятностям жизни человеческой. Где прожить и как это огромное время, по крайней мере для меня будет все равно. Если останусь в моем холостом положении, это, как я и выше сказал, вероятно – хоть эта вероятность и неприятная (№ 232. Л. 81).

Тем не менее одиночество тяготило Николая Ивановича, а сестра г-жи Висконти произвела на него весьма благоприятное впечат-

ление, и он стал ухаживать и свататься. Дело шло с переменным успехом.

30 декабря 1829 г. Николай Иванович докладывал брату:

К<озловский> удивлялся занимательности и интересу ваших писем. Чего в них подлинно нет! Вы там¹⁴ более живете с англичанами, нежели я здесь. Иногда хотелось бы иметь здесь какое-нибудь надежное знакомство. Но это здесь трудно было бы и не для меня, с ними мудрено нарочно знакомиться. К<озловски>й многих здесь знает, но это знакомство тоже шляпочное. <...> Что вы имеете в виду в Париже? Для чего не говорите, кто и что? *Cela ne mène à rien*¹⁵. <...> Мы так много в Чельтенгаме болтаем об этом (и я думаю, нигде более Чельтенгама о сих вещах не говорят), что это стало для нас совсем обыкновенным предметом разговора. О нашей красавице разносятся здесь различные слухи: одни говорят, что она замуж вышла за жениха, с которым поехала в Лондон; другие, что она ему там отказала, что, однако, невероятно и должно быть есть выдумка толпы невест, еще не нашедших для себя того, чего ищут (№ 232. Л. 69 об.).

Тем не менее к апрелю дело продвинулось так далеко, что Николай Иванович попросил у отца Гарриет ее руки, но получил отказ. 6 апреля 1830 г. он объясняет брату:

Я писал вам из Бата о моих намерениях: предложение было сделано и имело такой же успех, как и другие предложения, другими прежде деланные: отказ. Но главная причина отказа была в моем качестве иностранца: отец не любит ничего иностранного; особливо с тех пор, как одна дочь его вышла за итальянца (с ними мы туда и ездили). Может быть, это препятствие было бы не непреодолимо со временем. Но вот ein Strich durch die Rechnung¹⁶! – ваше письмо

¹⁴ В Париже.

¹⁵ Это ни к чему не ведет (*фр.*).

¹⁶ Камень преткновения (*нем.*; название комедии немецкого драматурга Иоганна Фридриха Юнгера, 1784).

и мой ответ¹⁷! Обстоятельства, в которые я был поставлен в Бате, конечно, не облегчили для меня сего ответа. Если б это знали, то готовность моя явиться могла бы иметь *un mérite tout particulier*¹⁸. Если б я думал только о позитивных выгодах ежедневной жизни, то я бы не так легко решился. *Le mal est fait*¹⁹. Я опубликован был в Европе заговорщиком. Мне за 40 лет. Планов на будущность не имею и иметь не могу. К светской жизни не расположен и не способен. Путешествовать и охоты нет, и здоровье не позволяет. Мог бы остальную треть жизни (*les farces n'étant qu'en trois actes*²⁰) в мире и тишине прожить в каком-нибудь трактире. Позитивных или материальных выгод оправдание мне не даст. А невыгод куча и до оправдания. Весьма легко может случиться, что меня арестуют тотчас по приезде в Россию, хотя, кажется, свободно являющегося к суду и можно бы без опасения оставить на свободе. Статься может, что и государю представят, что приличие требует моего осуждения, ссылки, и пр., и пр. Несмотря на все это, я еду на верную гибель или беду. 20 лет житья в Англии для меня легче 20 дней сидения в крепости (Дубровин 1902: 85).

Тем не менее общение с г-жой Висконти и ее сестрой продолжалось, о чем свидетельствует письмо Николая Ивановича брату из Чельтенгама от 18 апреля 1830 г.:

Мы сегодня собираемся за город. К<озловски>й сочинил эту party. С нами едет гр<аф> Висконти с женою (те самые, с которыми мы ездили в Бат), и адмирал, и Lady Гульд, тетка жены Висконти и моей красавицы. Мы поедем за шесть миль отсюда, взяв с собою обед и вино. Эта Madame Висконти очень добрая, умная и хорошая собою женщина; только годом старше моей квакерши (я называю ее так за ее скромность, доброту и пр.). Вчера мы были ввечеру на

¹⁷ Письмо Александра Тургенева с сообщением, что император готов отдать Николаю Тургеневу справедливость, если тот вернется в Россию, и ответное письмо Николая о том, что он вернуться готов.

¹⁸ Совсем особенную цену (*фр.*).

¹⁹ Зло сделано (*фр.*).

²⁰ Поскольку фарсы только из трех актов состоят (*фр.*).

party, где и M-me V<isconti> была. Поутру, гуляя с леди Гульд, мы зашли в лавку, где я увидел эстамп, портрет женский, необычайно похожий на мою, купили его и отдали M-me V<isconti>. По вечеру она сказала мне: Я возвращу вам портрет и только скажу, что, если бы от меня зависело, то я дала бы вам от всего сердца и оригинал. Она едет с мужем на 2 года в Италию. Она ожидает сюда на несколько дней свою сестру из Бата, дабы вместе ехать в деревню к отцу и матери. Имя отца Ловель, старик – country-gentleman в Вальтшире... (№ 232. Л. 110 об.).

Описание приятных забав продолжается 20 апреля 1830 г.:

Все были веселы. Старик адмирал Гульд (бывший с Нельсоном в сражении при Ниле) говорит, что никогда не встречал более приятного человека, как K<озловски>й. Вчера я был у них ввечеру на small-party. K<озловски>й хотел ходить, но болел в жару в комнате и там не был. Я играл в beauté²¹ с милою и умною M-me Visconti (№ 232. Л. 111 об.).

И 24 апреля:

Вчера мы опять были на party вместе. А завтра, несмотря на неверную погоду, опять собираемся, с обедом, за город. K<озловски>й поедет в Лондон 4 или 5 мая. Висконти поедет в деревню к ее отцу и матери около 6. Я, может быть, съезжу туда к ней на день – это только 27 миль и увижу мою – т. е. мою только по моему желанию. К несчастью, моего одностороннего желания недостаточно (№ 232. Л. 114).

Одновременно обсуждается поездка Александра Ивановича в Петербург для хлопот по поводу возможной явки Николая Ивановича в Петербург. 1 мая 1830 г. Николай Иванович пишет брату из Чельтенгама:

²¹ Игра в «красоту», восходящая к эпохе Возрождения, заключалась в перебрасывании поэтическими цитатами (изначально из Петрарки), относившимися к разным частям тела; см.: Lecercle 1982.

Если (чего я не ожидаю, но на всякий случай) вы найдете, что мне не должно являться, то напишите (адресуя к Mrs Hague, 16, Warw. Street) следующее: «Я согласен на твою женитьбу». Но прежде подумайте, что эти слова навсегда остановят меня в Англии. Если же найдете, что явиться мне выгодно, то об этом можно говорить открыто, но, для большей очевидности, прибавьте: «Простись с Mrs Hague». Если не скажете ни того, ни другого, то я пойму, что вы сами ничего не знаете и явлюсь при первом порыве (№ 232. Л. 116 об.).

10 мая 1830 г. Николай Иванович рисует брату чельтенгамскую идиллию:

Вчера мы провели вечер у Висконти, приятно. Моя красавица была ласкова по обыкновению своему; но не более. Впрочем, и мудрено было бы им иметь какое-нибудь позитивное мнение обо мне. Они знают, что я еду в Россию для суда и пр. Но истинного положения и моего дела и меня лично они не знают, и растолковать этого им невозможно; ибо ничего не поняли бы (№ 232. Л. 119 об.).

Тем не менее Тургенев явно связывает свои матримониальные планы с планами «пересуда» в России. Это же сформулировал Козловский в недатированном письме к Александру Ивановичу: «Из него <Николая Тургенева> ни тебя, ни меня не сделаешь; ему нужен по его мнению только семейственный уголок; по-моему, и государственная деятельность: и для того, и для другого очищение или прощение необходимо» (№ 232. Л. 138–138 об.).

Больше того, Николай Иванович надеется совместить поездку в Россию с женитьбой в Англии; 15 мая 1830 г. из Чельтенгама он наставляет брата, который должен поскорее отправиться «разведать» обстановку:

Вы можете также им <в Петербурге> сказать, что я уверен, что Государь не только меня оправдает, но позволит возвратиться, хотя и на время, в Англию, для дела серьезного для меня лично, т. е. для женитьбы (или для попытки женитьбы) (№ 232. Л. 120).

Меж тем ухаживание за Гарриет продолжается. 18 мая 1830 г. Тургенев рисует брату очередные идиллические картины:

Я возил семейство Висконти и ее сестру в Gloster обедать. День был прекрасный, и я провел его самым приятным образом. Вчера был у них ввечеру. Сегодня везу их обедать в Swip-Cottages, миль в семи отсюда. Обед везу с собою. В четверг везу их в Мальберг, 25 миль, где пробудем дня два. Если б вы видели, как добра и притом как хороша (хотя и не в моем вкусе) сестра В<искон>ти, то не подивились бы, что мне с ними приятно. Если б мое дело кончилось хорошо, то я начинаю думать, что и здесь был бы успех. Но еще третьего дни говорила, как ей трудно было даже в Чельтенгам выпроситься у отца, она говорила между прочим, что он ничего иностранного не любит, на континенте и т. п. Ее, как видно, отец любит особенно. Да и мудрено не любить (№ 232. Л. 121).

Одно «дело» (женитьба) прочно увязывается в уме Николая Ивановича с другим – оправданием в России.

Меж тем внезапно ситуация меняется коренным образом. 19 мая 1830 г. Александр Иванович сообщает брату о полученном им письме Жуковского, дезавуирующем упомянутое выше оптимистическое известие от 30 января о согласии императора «отдать справедливость» Николаю Тургеневу:

Вот копия письма Жуковского: «22 апреля. Брат ни под каким видом ездить не должен – вот главное. Нынче по почте послал я к тебе письмо, заключающее короткий ответ на твои письма. Этот ответ поразит тебя так же, как он поразил и меня. Надеюсь на Бога, что он придет вовремя и что Николай еще не покинул своего безопасного убежища: это было бы и для меня таким же несчастьем, как и для него» (№ 314. Л. 61 об.).

От этого письма Александр Иванович вздохнул с облегчением: «И с плеч или лучше с души моей как гора свалилась, и я спокоен, и ты не поедешь в Россию» (Там же).

В подробном письме Жуковский винился в своей ошибке и объяснял, отчего она произошла:

Я не понял слов государя, переданных мне императрицею, и дал им слишком обширное значение. В них не заключалось никакого вызова на суд и на оправдание, ибо в этом отношении для брата все кончено, и он нового суда ни ожидать, ни требовать не вправе, и государь его ему не даст. Если бы брат явился и безусловно предал себя великодушию государя, то его величество решил бы тогда сам, какое существование могло бы быть дано ему, осужденному в России, без уничтожения осудившего его приговора. Таков был истинный смысл сказанного мне ответа (Дубровин 1902: 93–94).

Однако неудача в деле пересуда и оправдания не заставила Александра Ивановича отказаться от надежды женить брата на Гарриет Лоуэлл. В его майских-июньских письмах к Николаю Ивановичу на эту тему видна та готовность посвятить свою жизнь и свое состояние благополучию брата, которая отличала все действия Александра Ивановича в последующие полтора десятка лет вплоть до самой его кончины в 1845 г.

25 мая 1830 г. он пишет Николаю Ивановичу:

Я все думаю о твоих теперешних обстоятельствах. <...> Нельзя ли рассказать им, чрез Козловского, твоего положения, уважения, коим ты и в России пользуешься и только враждебного, явного и старинного, как кажется, неблаговоления государя, дав им почувствовать, что ты от этого в фортуне и в общем мнении ничего не теряешь и не имеешь нужды в России, а от меня имеешь акт, что все тебе и твоим достанется, ибо все будет в таком случае немедленно обращено в капитал. Я бы поехал нарочно в Россию, продал имение и перевел все на твое имя, оставив аренду (№ 314. Л. 72).

В начале июня кажется, что мечты о женитьбе Николая Ивановича вот-вот осуществляются.

3 июня 1830 г. Александр Иванович, только получивший от брата сообщение, что невеста уже согласна (хотя отец еще согласия не дал), пишет восторженно:

Я еще слишком взволнован и в жизни еще не бывал так счастлив! <...> Ты как-то совестишься предо мною, что я не счастливец; я бы за себя не мог никогда так радоваться, да не мог бы так и ручаться за себя, что буду достоин такого счастья. Я не остаюсь и не останусь при том же, у меня будет цель в жизни, я буду жить для тебя и для нее и для твоих. Я бы и одно спокойствие твое почел счастьем: что же теперь? Я готов всем и все простить, если только твое счастье устоит, совершится над тобою. Куда ты меня увлек? из П<етер>бурга – в Париж. От деятельности беспутной к жизни ума и души, а теперь к чувству, к ощущению такому, с каким я и знаком не бывал. Мое дело теперь копить деньги – и молиться. Но все еще не решено. Отец не дал еще позволения. Если он и затруднится теперь, то я не отчаиваюсь, ибо она согласна, и время может смягчить его (№ 314. Л. 83 об.).

На следующий день, 4 июня 1830 г., Александр Иванович продолжает обсуждать с братом хозяйственные дела и обдумывает способы примирить коммерческий интерес с ответственностью за судьбы крестьян:

Я полагаю, что у нас уже и теперь более, нежели 190 т<ысяч> капитала в Москве <...> кроме займа по залогу имения и следов<ательно>, весь капитал немедленно к тебе перевести можно. На что он мне? И зачем ему в Москве оставаться? Обдумай хорошенько, ехать ли мне в Россию? Я готов и полагаю, что если приеду туда после нескольких месяцев, то гнев на нас простынет и немного утихнет; но не лучше ли устроить Жих<ареву> без меня продажу деревень? Хотя, впрочем, я сегодня писал к нему, что продать в частные руки я желал бы при себе, дабы знать, кому и с какими наследниками продано будет²². Это единственный казус, в коем я

²² Речь идет о продаже родового имения Тургенево в Симбирской губернии, которая состоялась не в 1830 г., а семью годами позже. Степан Петрович Жихарев (1788–1860) вел в отсутствие Тургенева его финансовые и хозяйственные дела, но, как скоро выяснилось, действовал нечистоплотно и обокрал старого друга. См. переписку Александра Ивановича с Жихаревым и Жуковским 1831 г.: Жихарев 1934: 450–453; 527–543.

ему не совсем верю. Но как и я угадаю нравственность будущего, юного поколения? – Ты должен поступать холоднее моего в твоих отношениях, но не упускать из рук счастья для соображений и от трудных в твоём положении переговоров. Нельзя ли выписать Козловского для переговоров, нельзя ли чрез другого определить условия? Здесь, где также условия приводятся по прозаической части прежде в известность, это обыкновенно чрез других делается. Может быть, и Висконти тебе полезен быть может. <...> Поцелуй и за меня ручки у Гарриеты (№ 314. Л. 83а–83а об.)

Та же тема развивается в письмах 10 и 11 июня 1830 г. 10 июня Александр Иванович пишет:

Сию минуту получаю твой № 62. Оно устрасило меня твоим упрямством: ты никак не хочешь понять, что для меня нет и не может быть всегдашнего блаженства, как твое, что я тогда только успокоюсь, буду иметь цель жизни и надежду жить иногда с тобою, как увижу тебя счастливо женатым. С чего ты взял, что у тебя только 600 ф<унтов> с<терлингов> дохода? Зачем было не написать к отцу так, как я предлагал тебе, просил тебя? Я уверен, что ты и 1000 ф<унтов> с<терлингов> будешь иметь ежегодного дохода. <...> Я буду все переводить к тебе и на твоё имя. <...> Я все ещё надеюсь, что получив мой № 19, ты что-нибудь иное скажешь в письме к отцу о доходе, но страшусь, что оно уже придет после её отъезда <из Чельтенгама> и она не узнает о нём прежде, нежели будет говорить с отцом. Ты мог бы написать к ней или к тетке, дабы они сказали истину о твоих доходах. Да и о политических отношениях напрасно представлять все в невыгодном виде; надобно было доказать им только, что, вследствие сего положения, ты не желаешь оставить Англии. Что им до русского приговора, когда и здесь он нимало бы не повредил тебе! (№ 314. Л. 86–87).

Продолжение следует 11 июня; примечательны трогательные рассуждения Александра Тургенева, который старается уверить брата, что, расставшись с большей частью своего состояния, он, Александр, только выигрывает:

Я не понимаю, как мог ты так худо рассчитать доход твой и как не принял в счет все, что тебе отпишется от продажи имения. <...> Неужели ты не заметил, что я не могу прожить более, нежели проживаю, и что, перестав покупать книги, ибо некуда с ними деваться, – и я более читаю, нежели покупаю, – я и подавно не знаю, куда девать деньги? Как же мне не находить единственное утешение, единственное употребление нашим доходам в устройстве твоих дел? Если бы твое дело было устроено, то я бы тогда только и за экономические дела принялся, и, сколько умею, не упустил бы ничего, чтобы увеличить доходы. Ты, главное, забываешь, что мне уже 47 лет и что я ни образа жизни, ни положения переменить не могу, да и не должен; ибо через 2–3 года мне будет – полвека! Но остальная жизнь могла бы еще быть и для меня очень занимательна, если бы я мог хлопотать о твоих прозаических делах: это бы нимало не помешало мне приятно, нравственно доживать век, не отказывая себе ни в чем, но с умеренностью в прихотях, необходимую и для моего здоровья. Я чувствую, что если б я давал себе часто волю, напр<имер> в обедах, и не ходил бы пешком, а имел бы экипажи, как в П<етер>бурге, то и болезни п<етер>бургские бы возвратились, кои с Карлсбадом и с теперешним образом жизни исчезли. <...> Если они узнают мое истинное намерение, то они охотнее сделают связь с людьми, коих правила им будут порукою, что дочь без куска хлеба ни в каком случае не останется. <...> Не можно ли чрез Козловского дать им знать о моих намерениях, о моих желаниях, о твердой и непреложной воле моей жить для тебя, прочить тебе и никому более и что мне самому о себе и помышлять уже поздно, да и склонности мои все – к холостой жизни и что желаю только иметь одну цель в жизни: накопить сколько можно для тебя. <...> Пожалуйста, не увеличивай препятствий и религией. Какой ты грек? И по рассудку, да скоро и по привычке мы будем протестантами; я люблю нашу церковь, как любят воспоминания молодости, старый родительский дом, как люблю Москву, но это еще не есть быть греком или любить все московское и, напр., рабов ее; так-то мы и к греческой церкви принадлежим, и, следовательно,

мы не греки и не римляне²³, а, вероятно, христиане, следовательно, по правилам протестантизма ближе к нему, нежели к греческому православию. Ты можешь не входить в протестантизм формально, но не должен отречься от того, ко вреду своему и соблазну ее, к соблазну отца ее. <...> Ради Бога, если еще время, то напиши к Висконти, к ней, что недостаток будет, что ты политикою, а не законом осужден, что честные люди и в России, и здесь все тебе отдадут справедливость. <...> Устрой свое счастье и мое, конечно, более нежели твое собственное, – твоим счастьем, и тогда все забудем. Я не постигаю другой жизни для себя, как в чужих краях, и только на время могу съездить в Россию для окончательного устройства дел (№ 314. Л. 87–88)²⁴.

Отец Лоуэлл отдать дочь за чужестранца, да еще столь сомнительного статуса, предсказуемо отказался; 18 июня 1830 г. Александр Иванович в Париже узнал об этом из письма Козловского и делится с братом своими впечатлениями:

Что мне сказать тебе? Всю неделю я страшился за результат письма твоего к отцу, но письмо твое было неожиданно. Я бы думал, что нужно еще сделать попытку, написать к Висконти от имени Козловского и, по моему настоянию, упомянув о сем настоянии в письме Козловского, что ты не можешь быть почитаем иностранцем, ибо не можешь, да и не желаешь оставлять Англии, по крайней мере пока жизнь отца продлится, ты, конечно, не оставишь Англии, что <...> политическое твое состояние нимало не вредит детям-англичанам, а напротив, должно еще более удостоверить Висконти в твоём укоренении в Англии. Если нужен от меня акт, то я готов написать его, по вашему указанию. Если есть, как я вижу, ее согласие, то как терять надежду? Я буду ожидать твоего ответа. <...> Не могу расстаться с этою надеждою и как сестру уже полюбил Гарриету. Твердость души спасет тебя, но я желаю тебе счастья (№ 314. Л. 90 об.).

²³ Цитата из «богатырской сказки» Н. М. Карамзина «Илья Муромец» (1794).

²⁴ Отрывок от слов «И по рассудку» и до «греческому православию» опубликован в кн.: Тургенев 1989: 11 – вне связи с тургеневским matrimonialным сюжетом.

Упомянутое письмо Козловского – это, по-видимому, недатированное письмо, в котором князь пытается утешить Александра Ивановича замысловатыми доводами из серии «зелен виноград»:

Теперь слово о свадьбе. В этом деле, как и в другом²⁵, я только действовал по его²⁶ манованиям, но с тою разницею, что в первом в душе моей, без всякого ограничения, я с ним во всем соглашался, но в сем последнем желал бы может быть иного. Нет сомнения, что выбор его был хорош: девушка прекрасная, умная, добрая; но приданого нет, а по моему мнению, кто женится на агличанке <sic! – В. М.> и хочет всегда жить в Англии и сделать из сыновей англичан, тот или должен быть сам очень богат или взять приданое какое-нибудь за женою. Сие общее правило еще вяще относится к иностранцу, ибо агличане посредством своих связей кой-как детей своих употребляют, а иностранцу надобно иметь достаток, не токмо для того чтобы жить, но и оставить детям такую независимость, которая утешила бы их в той ничтожности, которую иностранное имя и неизвестность отца, не имевшего с Итона и с Оксфорда связей по дружбе, если не по родству, соделают для них неизбежною, а эта ничтожность здесь ужасна, и ужаснее для молодого человека хорошо воспитанного, чем для негодяя. По моему мнению, аглинская невеста без тысячи или по крайней мере 600 фунтов ежегодного дохода приданого не соделает постоянного счастья, если дети должны быть необходимо агличане (№ 232. Л. 134 об.–135).

Александр Иванович тем не менее в тот же день, 18 июня 1830 г., написал Козловскому ответ, где настаивал на продолжении хлопот и подсказывал, что именно тот должен сообщить отцу невесты, чтобы его переубедить:

Хотя и не во всем с тобой согласен, милый Козловский, но не менее благодарен за твою дружбу. Прочти то, что я сегодня пишу к брату о возобновлении и о средствах оного. Я думаю, тебе легко

²⁵ В обсуждении поездки в Россию.

²⁶ Николая Тургенева.

и прилично было бы это сделать словесно или письменно, чрез Висконти. Конечно, хорошо было бы иметь жену с доходом, но как думать об этом, когда и нашего достаточно для житья скромного, но не бедного! Брат все делает так, как бы и я должен был жениться, не помышляя, что мне 47 лет, что мне некуда, да и некогда уже копить для себя, оставлять часть доходов без употребления и пр., между тем как бы вся жизнь моя путным и полезным образом могла быть употреблена на устройство его капиталов нашими и теми, кои нам от родственницы достаться могут. И как предполагать, что он оставит Англию? Разве тогда, когда многое на континенте, то есть у нас переменится и когда верно уже старика отца в живых не будет. Можно актом удостоверить его, что брат не оставит Англии, да и самая продажа имения, перевод в Англию денег должны бы были в том его удостоверить. Подумайте еще, то есть подумай один ты, ибо деликатность брата не позволит ему и думать о сем, напиши ко мне, и я не прежде выеду из Парижа. Что касается о прежнем деле, то я теперь несравненно спокойнее, я как бы переродился успокоением отказа в суде, коего страшился. И последняя тень какого-то недоразумения или сомнения о неявке исчезла. Брат показал не одну невинность, но и твердость, и храбрость, коей и здесь, и даже наши русские удивляются. Конечно, и в тамошних русских это произведет то же впечатление; но до них ли? О будущем – в сем отношении говорить нечего. Конечно, оно проявится, и решимость, предложение явиться – многое переменит в образе мыслей, хотя этот образ мыслей более основан, как я слышал, на личной нелюбви к брату Императора. Эта нелюбовь будет, может быть, теперь сильна, но со временем она ослабнет, потухнет, и он в уважении ему не откажет, хотя и в этом уважении пользы большой не будет. Теперь я намерен молчать, ибо и сердце молчит о сем (№ 314. Л. 91).

Впрочем, уже 25 июня 1830 г., по получении письма от брата, Александр Иванович, кажется, смирился с отказом от надежд на брак:

Вчера получил твой № 64 и теперь я спокойнее, видя тебя несколько разочарованного, и усматриваю также, что и тобою, и Козловским, – которого дружбу никогда не забуду, – сделано было все для успеха, но он ни от вас, ни от нее не зависел, ибо и ее характер так же бесхарактерностью, как и отцовский упорством и эгоизмом, непобедим (№ 314. Л. 94 об.).

Козловский же был уверен, что сам сделал для Николая Тургенева все, что мог: «Что от меня зависело и в свадебном, и в попечительном отношении, я не лениво, усердно и бдительно исполнял» (№ 805а³. Л. 5 об.²⁷), но полагал, что Александр Иванович сделал еще недостаточно, а потому должен вернуться в Россию и там хлопотать на месте. Все это он подробно объяснял Александру Тургеневу в письме от августа 1830 г.:

Доколе братец ваш здесь <в Чельтенгаме> был, я не мог совершенно с искренностью писать к вам, ибо как-то совестился не показывать ему моих писем. Я в душе моей уверен, что он в уме своем так же убежден, как я, что для него и для вас полезно бы было, чтобы вы поехали пожить в России, но единственная деликатность могла заставить его писать противное. Это такая вещь, которая бросается в глаза каждому, и быть не может, чтобы он был в сем ослеплен. Заочно никто и никогда ничего не выпрашивал, а обязанность до последнего издыхания стремиться к благой цели не имеет никаких границ. На месте вы можете найти средства к достижению царского милосердия, каковых себе и представить невозможно. Я ей-богу не понимаю, что вас останавливает. <...> В чужих краях без дела вы ничто, а в России, хотя бы и ничего не делали, вы исполнители и для других, и для себя. Подумайте о сем хорошенько и не называйте наслаждениями перемещения бесполезные. Они точно так же приятны, как переваливаться с одного бока на другой. Государь терпеть не может, чтобы люди жили в чужих краях, а от Государя все зависит; все, говорю я,

²⁷ Письмо к А. И. Тургеневу от июля 1830 г.; датируется по упоминанию о взятии Алжира, которое произошло 5 июля 1830 г.

ибо и женитьба иначе <бы> пошла, когда бы не было всех этих проклятых запятых. – Я пишу к вам о сем в последний раз: после моего точного ультимата не скажу ни слова. – Я писал к отцу Ловелю чрез Висконти, который туда поехал; описывал ему ваше великодушное не пожертвование, но приношение брату; говорил, что я об вас обоих думаю; представлял, что вместо 600 будет 1000 фунтов дохода, а может, и более (№ 805a¹. Л. 5, 6 об.).

Однако, несмотря на все старания брата и друга, на английской невесте Николай Иванович не женился, и год спустя, 19 июля 1831 г., Козловский, в присущей ему парадоксальной манере резко переменяя свое мнение, писал из Эмса неудавшемуся жениху:

Пожалуйста, не жалеете о Генриетте. <...> Висконтша вас любит, и очень любит, но и про нее сказать нельзя, как про Карамзина, что она пречувствительной породы. Писатель, а та дура, в письмах хоть бы слово о прошедшем! В Висконтше много преблагородных качеств, наприм<ер> ко мне неизменная дружба и радость быть со мною, все так же, как в Чельтенгаме, показывает порою ту твердость в привязанности, но и она целыми месяцами ко мне не писала, а писавши, наполняла бумагу пустяками. Во всей этой семье какое-то подобострастие, достигающее до бесчувственности. Что ни говори, а живши вместе, основать на таком песке все свое счастье есть вещь совершенно невозможная. Право, я бы лучше на Висконти самом женился! У него выскакивают иногда черты чувствительности италийской, которой во всей Ловельской семье не найдешь и, признайтесь, вообще в агличанах (№ 805a¹. Л. 1–1 об.).

Учитывая то, что известно о сердечной привязанности Козловского к «Висконтше», в этих строках можно прочесть скорее обиду после какой-то размолвки, которая долго не продлилась. Во всяком случае, после того как в июле 1832 г. г-жа Висконти пережила страшную трагедию: карета, в которой она ехала, опрокинулась, и погибла ее горячо любимая шестилетняя дочь Франсуаза-Элен²⁸, Козловский

²⁸ Она родилась 9 мая 1826 г. (см.: Pierrot 1994: 251).

переживал это едва ли не тяжелее, чем сама мать девочки. Что же касается дальнейших отношений «Висконтши» с Николаем Тургеневым, то из разрозненных упоминаний понятно, что графиня не прекращала попыток женить русского знакомого.

В сентябре 1831 г. Тургенев перебрался из Англии во Францию; в преддверии этого события г-жа Висконти через свою тетку уведомила его, что она очень желает, чтобы он «приехал в Париж или в Versailles (где они живут)» и что у нее есть какие-то планы, с ним связанные. Тургенев, сообщая об этом брату в письме из Лондона от 6 июля 1831 г., оценивал инициативу г-жи Висконти скептически, хотя и был благодарен за доброе мнение о себе:

Вздор! Я удивился этому участию со стороны Mme Visc<onti>, тем более, что вижу по письму ее, что она думает, что я не очень ее жалею. В сем последнем она ошибается, я не люблю ее, но противное (№ 231. Л. 26–26 об.).

Во Франции Тургенев постоянно общался с семейством Висконти, бывал в их доме в Версале; более того, в тот злополучный день, когда г-жа Висконти потеряла дочь, он ехал с ней в одном экипаже, был потрясен случившимся²⁹, а потом пытался помочь ей пережить страшный шок. В эту пору он оценивал ее душевные качества очень высоко. 14 июля 1832 г. он писал из Версаля брату:

Mme В<исконти> любила дочь свою более всего на свете. <...> Потеряв ее, она, можно сказать, осиротела. <...> Муж добрый и честный человек, но не пара для нее ни по уму, ни по характеру. Маленький сын ее³⁰ никогда не заменит ей дочери. Она очень умная и необыкновенно добрая женщина. Она не может никогда, ни за что, ни на кого сердиться (№ 231. Л. 126–126 об.)³¹.

²⁹ «Я не знаю, что на свете, кроме вашей смерти, могло бы так сильно меня поразить, как это происшествие...» – писал он брату (Тургенев 2019: 104).

³⁰ Рожденный 22 сентября 1831 г. Гюстав, отцом которого злая молва называла не кого иного, как Козловского (см.: Léger 1928: 160).

³¹ Любопытно совпадение оценки с той, какую восемью годами позже, 10 февраля 1840 г., дал г-же Висконти Бальзак в письме к Эвелине Ганской, ревновавшей писателя к «англичанке»: «Г-жа Висконти, о которой вы мне пишете, – любезнейшая женщина

Еще прежде этой трагедии в разговорах с Николаем Ивановичем Тургеневым г-жа Висконти не раз возвращалась к теме его брака. 1 февраля 1832 г. Николай Иванович писал брату из Парижа:

Когда я хотел жениться в Чельтенгаме, я открыто и без всякой утайки объявил отцу, что я был осужден в России на смерть за политические преступления, в коих, однако же, я не почитал себя виновным. <...> Отец, как вы знаете, отказал по причине, что я иностранец. Но недавно, разговаривая с Mme Visconti (сестрою невесты), я мог заметить по словам ее, что на отказ отца содействовало <sic! – В. М.> и мое положение в отношении к России. Я и тогда это подозревал. Но теперь в этом убедился (Архив 1921: 407).

13 февраля 1832 г. Николай Иванович продолжает ту же тему:

Mme Visconti весьма желала, dans le temps³², моей женитьбы с сестрою. И теперь она, конечно, готова была бы оной содействовать, хотя я и замечаю, что мое политическое положение, здесь более затруднительное, нежели в Англии, где о сих делах менее заботятся, и ей не нравится. Но, кроме доброй воли, она ни в чем содействовать не может: все препятствия в отце, на коего его дети действовать не могут, и против воли коего и они ничего не сделают, и я никогда не хотел ничего делать (Архив 1921: 410–411).

Александр Иванович отреагировал на возрождение матримониальной темы очень горячо и сообщил, что желал бы знать: «Нет ли у тебя нового предложения и надежды, при частых свиданиях с Висконти подкрепляемой? И не хотят ли с ее стороны, чтобы ты оправдался или в их глазах или в глазах публики?» (№ 350. Л. 108; письмо от 16 февраля 1832 г.).

Параллельно уже в начале 1832 г. в письмах Александра Ивановича начинает мелькать имя мадемуазель Виарис как потенциальной невесты. 11 января 1832 г. он пишет брату из Москвы:

бесконечной, замечательной доброты и изысканной, элегантно́й красоты...» (Balzac 1990: 505).

³² В свое время (*фр.*).

Уж я опять думал, не слишком ли ты уединяешься и не слишком ли мало пользуешься рассеяностями Парижа? <...> Твои частые поездки в Версаль опять дают мне какую-то надежду, но ты сам ни слова об этом не пишешь. – Если нет – то я поеду отыскивать М-ше Viaris (№ 350. Л. 98).

В начале февраля 1832 г. продолжает тему: «Мне нужно быть и в Швейц<арии>. И узнать, где и в каком положении та, о которой думал, думая о тебе?» (№ 350. Л. 104), а 29 февраля 1832 г. уточняет все еще из Москвы:

М-ше Viaris <...> очень хороша и почти красавица; она только очень худа была, когда я знал ее, от роста и от слабого здоровья в то время. Не знаю, как можно ее найти было не красавицею. Но мать была очень непригожа, хотя очень умна и добродетельна. Авось отыщу ее в Женеве (№ 350. Л. 111)³³.

Александр Тургенев оказался гораздо более удачливым сватом, чем князь Козловский. С английской невестой у Николая Тургенева дело не сладилось. 20 июня 1832 г. Николай Иванович сообщил брату о полученном известии, что сестра Висконти выходит замуж (см.: № 231. Л. 120 об.), а 15 августа 1832 г. Гарриет Лоуэлл в самом деле вышла замуж за генерала Уильяма Лавлейса Уолтона (1788–1865).

Что же касается Николая Тургенева, он 12 октября 1833 г. женился на «отысканной» Александром Тургеньевым в Женеве Кларе Виарис (1814–1891), дочери уроженца Пьемонта Гаэтана (иногда его называют Гастоном, а Клару, на русский манер, Кларой Гастоной) Виариса, капитана наполеоновской армии, барона Империи. С Кларой, которая родила ему четверых детей, Николай Иванович прожил в счастливом браке четыре десятка лет до самой своей

³³ Александр Тургенев познакомился с семейством Виарис в августе 1828 г. в Шотландии (см.: Тургенев 1872: 458, 460, 462), где семья Клары, в ту пору четырнадцатилетней девочки, гостила в имении лорда Минто (см.: Тургенев 2019: 249–250). В 1828 г. семейство Виарис вернулось во Францию, где сильно бедствовало. Мать Клары, Софи Виарис, урожденная фон Мальтцан Плессен, умерла в Париже в сентябре 1831 г. После этого благотворители, в числе которых была добрая знакомая А. И. Тургенева герцогиня де Брой, отправили Клару с сестрой в Женеву (см.: Wics 1968: 217).

смерти³⁴, а Александр Иванович, как и обещал в 1830 г., остался холостяком, доставлял брату средства к существованию и считал его семью своей.

В 1834 г. Александр Иванович был «высочайше назначен для производства в иностранных государствах ученых изысканий, до российской истории относящихся» (официальный предлог, счастливо совпавший с собственными научными пристрастиями старшего Тургенева; см.: Хохлова 2022: 6), и благодаря этому получил право по несколько лет жить во Франции рядом с братом и его семьей; этому его пребыванию в Париже мы обязаны уникальными очерками французской культурной и литературной жизни, которые он при жизни публиковал в русских журналах и которые стараниями М. И. Гиллельсона были изданы в 1964 г. в серии «Литературные памятники» под названием «Хроника русского», впервые присвоенном тургеновским эпистолярным отчетам в пушкинском «Современнике».

А если бы Николай Иванович женился на Гарриет Лоуэлл и остался жить в Англии?!

³⁴ Гаэтан Виарис (1783–1859), наследник знатного пьемонтского рода Виарицио де Лесеньо, с начала XIX в. переселившегося во Францию, в 1821 г. был причастен к революции в Турине, а затем, после поражения восставших, вынужден был покинуть Сардинское королевство. «Пьемонтский изгнанник, подобно ему <Н. Тургеневу> лишенный отечества и, сверх того <...>, лишенный при старости всех средств к жизни» (Свербеев 2014: 491), насколько известно, никаких возражений против брака своей дочери с российским изгнанником не имел. Во всяком случае, Александр Иванович Тургенев в письмах к Вяземскому упоминает только о бюрократических трудностях, препятствовавших свадьбе. Кроме того, Тургеневу был закрыт доступ в русские посольские церкви, помещения которых считались российской территорией, и ему пришлось обратиться «для совершения над ним таинства к греческому иеромонаху, временно пребывавшему в Женеве» (Свербеев 2014: 492). Тем не менее в предисловии экономиста И. Блюмина к переизданию «Теории налогов» Н. И. Тургенева (1818) в 1937 г. читаем: «Ее <Клары> отец не хотел выдать дочь за Тургенева, под тем предлогом, что он “беглец”, политический преступник. Но Тургеневу удалось наконец уломать старика» (Тургенев 1937: XII). Не совсем ясно, простой ли это домысел автора предисловия или – что менее вероятно – искаженный отзвук известий о сопротивлении другой свадьбе со стороны другого отца.

СОКРАЩЕНИЕ

ПД – Пушкинский Дом.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Архив 1921. Архив братьев Тургеневых: 1911–1921. Вып. 6: Переписка Александра Ивановича Тургенева с кн. Петром Андреевичем Вяземским. Т. 1: 1814–1833 гг. / Под ред. и с примечаниями Н. К. Кульмана. СПб.: Отделение русского языка и словесности Российской Академии наук.
- Бальзак 1986. Бальзак в воспоминаниях современников / Сост., вступительная ст. И. Лилеевой. Комментарии и указатели И. Лилеевой, В. Мильчиной. М.: Художественная литература.
- Вяземский П. А. кн. 1882. Полн. собр. соч.: В 12-ти тт. Т. 7: Литературные, критические и биографические очерки. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича.
- Дубровин Н. 1902. Василий Андреевич Жуковский и его отношения к декабристам. – Русская старина. 1902. № 4. С. 45–119.
- Жихарев С. П. 1934. Записки современника: В 2-х тт. Т. 2 / Ред., комментарии и вступительная ст. С. Я. Штрайха. М.; Л.: Academia.
- Жуковский В. А. 1895. Письма В. А. Жуковского к Александру Ивановичу Тургеневу. М.: Русский архив.
- Ларионова Е. О. 2019. Тургенев Николай Иванович. – Русские писатели: 1800–1917. Биографический словарь. Т. 6. М.; СПб.: Большая Российская энциклопедия; Нестор-История. С. 331–334.
- Мильчина В. А. 2019. Хроники постсоветской гуманитарной науки: Банные, Лотмановские, Гаспаровские и другие чтения. М.: Новое литературное обозрение.
- Свербеев Д. Н. 2014. Мои записки. М.: Наука.
- Тургенев А. И. 1872. Письма Александра Ивановича Тургенева к Николаю Ивановичу Тургеневу. Лейпциг: Ф. А. Брокгауз.
- Тургенев А. И. 1989. Политическая проза / Сост., подготовка текста, вступительная ст. и примечания А. Л. Осповата. М.: Советская Россия.
- Тургенев А. И. 2019. Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenew und Vasilij A. Žukovskij 1830–1845 / Hrsg. H. Siegel, A. Lauhus. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag.
- Тургенев Н. И. 1901. Николай Иванович Тургенев в письмах к своим братьям. – Русская старина. № 5. С. 235–275.

- Тургенев Н. И. 1937. Опыт теории налогов. 3-е изд. М.: Государственное социально-экономическое издательство.
- Тургенев Н. И. 2001. Россия и русские / Пер. с фр. и ст. С. В. Житомирской. Комментарии А. Р. Курилкина. М.: ОГИ.
- Хохлова Н. А. 2022. Неизвестный автограф А. С. Пушкина – пометы на «Хронике русского» А. И. Тургенева. – Русская литература. № 2. С. 5–27.
- Шёнле А. 2021. Эмоциональная, моральная и идеологическая амбивалентность изгнания: Николай Тургенев и перформанс политической эмиграции. – Век диаспоры: Траектории зарубежной русской литературы (1920–2020) / Под ред. М. Рубинс. М.: Новое литературное обозрение. С. 52–89.
- Balzac, H. de. 1990. *Lettres à Madame Hanska*. Т. 1. Paris: Robert Laffont.
- Balzac, H. de. 1964. *Correspondance*. Т. 3. Paris: Classiques Garnier.
- Balzac, H. de. 1969. *Correspondance*. Т. 5. Paris: Classiques Garnier.
- Lagny, J. 1978. Sur les Guidoboni-Visconti. – *Année balzacienne*. Paris: Garnier frères. P. 97–111.
- Lecerclé, F. 1982. Innocenzo ringhieri et le petrarquisme. – *Les jeux à la Renaissance: actes du XXIIIe Colloque international d'études humanistes* / Ed. F. Ariès, J.-Cl. Margolin. Paris: Vrin. P. 185–200.
- Léger, Ch. 1928. Balzac mis à nu et les dessous de la société romantique d'après les mémoires inédits d'un contemporain. Paris: Gaillandre.
- Pierrot, R. 1994. Balzac. Paris: Fayard.
- Wics, M. 1968. *The Italian exiles in London, 1816–1848*. Freeport; New York: Books for Libraries Press.

REFERENCES

- Arkhiv brat'ev Turgenyevykh: 1911–1921*. Vol. 6, *Perepiska Aleksandra Ivanovicha Turgeneva s kn. Petrom Andreevichem Viazemskim*. Pt. 1, 1814–1833 gg. Edited and annotated by N. K. Kul'man. Saint Petersburg: Otdelenie russkogo iazyka i slovesnosti Rossiiskoi Akademii nauk, 1921.
- Balzac v vospominaniakh sovremennikov*. Edited and prefaced by I. Lileeva. Annotated by I. Lileeva and V. Mil'china. Moscow: Khudozhestvennaia literatura, 1986.
- Balzac, H. de. *Lettres à Madame Hanska*. Vol. 1. Paris: Robert Laffont, 1990.
- . *Correspondance*. Vol. 3. Paris: Classiques Garnier, 1964.

- . *Correspondance*. Vol. 5. Paris: Classiques Garnier, 1969.
- Dubrovin, N. “Vasilii Andreevich Zhukovskii i ego otnosheniia k dekabristam.” *Russkaia starina* 4 (1902): 45–119.
- Khokhlova, N. A. “Neizvestnyi avtograf A. S. Pushkina – pomety na ‘Khronike russkogo’ A. I. Turgeneva.” *Russkaia literatura* 2 (2022): 5–27.
- Lagny, J. “Sur les Guidoboni-Visconti.” In *Année balzacienne*, 97–111. Paris: Garnier frères, 1978.
- Larionova, E. O. “Turgenev Nikolai Ivanovich.” In *Russkie pisateli: 1800–1917. Biograficheskii slovar’*. Vol. 6, 331–34. Moscow and Saint Petersburg: Bol’shaia Rossiiskaia entsiklopediia; Nestor-Istoriia, 2019.
- Lecerle, F. “Innocenzo ringhieri et le petrarquisme.” In *Les jeux à la Renaissance: Actes du XXIIIe Colloque international d’études humanistes*. Edited by F. Ariès and J.-Cl. Margolin, 185–200. Paris: Vrin, 1982.
- Léger, Ch. *Balzac mis à nu et les dessous de la société romantique d’après les mémoires inédits d’un contemporain*. Paris: Gaillandre, 1928.
- Mil’china, V. A. *Khroniki postsovetskoi gumanitarnoi nauki: Bannye, Lotmanovskie, Gasparovskie i drugie chteniia*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019.
- Pierrot, R. *Balzac*. Paris: Fayard, 1994.
- Pis’ma Aleksandra Ivanovicha Turgeneva k Nikolaiu Ivanovichu Turgenevu*. Leipzig: F. A. Brockhaus, 1872.
- Schönle, A. “Emotsional’naia, moral’naia i ideologicheskaia ambivalentnost’ izgnaniia: Nikolai Turgenev i performans politicheskoi emigratsii.” In *Vek diaspory: Traektorii zarubezhnoi russkoi literatury (1920–2020)*. Edited by M. Rubins, 52–89. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2021.
- Sverbeev, D. N. *Moi zapiski*. Moscow: Nauka, 2014.
- Turgenev, A. I. *Politicheskaiia proza*. Edited, prefaced and annotated by A. L. Osipov. Moscow: Sovetskaia Rossiia, 1989.
- . *Der Briefwechsel zwischen Aleksandr I. Turgenev und Vasilij A. Žukovskij 1830–1845*. Edited by H. Siegel and A. Lauhus. Wien; Köln; Weimar: Böhlau Verlag, 2019.
- Turgenev, N. I. “Nikolai Ivanovich Turgenev v pis’makh k svoim brat’iam.” *Russkaia starina* 5 (1901): 235–75.
- . *Opyt teorii nalogov*. 3rd ed. Moscow: Gosudarstvennoe sotsial’no-ekonomicheskoe izdatel’stvo, 1937.
- . *Rossia i russkie*. Translated from the French and prefaced by S. V. Zhitomirskaia Annotated by A. R. Kurilkin. Moscow: OGI, 2001.

Viazemskii, P. A. prince. *Polnoe sobranie sochinenii*. 12 vols. Vol. 7, *Literaturnye, kriticheskie i biograficheskie ocherki*. Saint Petersburg: Tipografia M. M. Stasiulevicha, 1882.

Wics, M. *The Italian exiles in London, 1816–1848*. Freeport and New York: Books for Libraries Press, 1968.

Zhikharev, S. P. *Zapiski sovremennika*. 2 vols. Vol. 2. Edited, prefaced and annotated by S. Ia. Shtraikh. Moscow and Leningrad: Academia, 1934.

Zhukovskii, V. A. *Pis'ma V. A. Zhukovskogo k Aleksandru Ivanovichu Turgenevu*. Moscow: Russkii arkhiv, 1895.